

Вэй Фусюэ потянул за рукав Тао Цзюсы, наклонился к его уху и тихо спросил:

— Учитель, о чём вы думаете?

Тао Цзюсы вздрогнул, вырвавшись из воспоминаний прошлой жизни, и, посмотрев на Вэй Фусюэ долгим взглядом, словно приняв решение, произнёс:

— Я только что поговорил с учёным по фамилии Цзи. Этот человек обладает необычайным красноречием, вам стоит обратить на него внимание, Первое Высочество. В будущем он может стать великой поддержкой.

Вэй Фусюэ нахмурился, снова взглянул на Цзи Юаньфэй и увидел, что тот уже отвёл взгляд и сидел в одиночестве за столом, выпивая чашу за чашей. Он не писал стихов и не разговаривал с окружающими.

Вэй Фусюэ хотел расспросить подробнее, но тут перед ними внезапно появился Цзян Вэньюань, сын главы Императорского секретариата Цзян Цзыхэна, с кувшином вина в руках.

Цзян Вэньюань, лет двадцати с небольшим, слегка полноватый и прихрамывающий, обладал мягкими и приятными чертами лица, чем весьма гордился.

Будучи сыном высокопоставленного чиновника, Цзян Вэньюань смотрел свысока на большинство людей, и, конечно, Вэй Фусюэ, принц лишь по имени, не был для него исключением.

Увидев Первое Высочество, Цзян Вэньюань не поклонился и не поприветствовал его, лишь высокомерно кивнул, будто сам был важной персоной в Великой Вэй.

Цзян Вэньюань перевёл взгляд на Тао Цзюсы и нагло заявил:

— Ты и есть Тао Цзюсы?

Тао Цзюсы помнил, как в прошлой жизни Цзян Вэньюань тоже пытался его задеть, и тогда он не мог понять, чем заслужил немилость главы секретариата. Теперь же, вернувшись в прошлое, он знал, что Цзян Вэньюань уже встал на сторону Вэй Хуайли, и его действия, скорее всего, были продиктованы третьим принцем.

В прошлой жизни Вэй Хуайли хотел унижить Вэй Жуньюй, ударив по Тао Цзюсы.

В этой жизни Вэй Хуайли пытался заискивать перед Тао Цзюсы, но тот ответил холодно, и теперь ему хотелось выместить злость.

Цзян Вэньюань поставил тяжёлый кувшин на стол, скрестил руки на груди и заявил:

— Первый Лауреат тоже не так уж велик. Я думал, у него три головы и шесть рук.

Тао Цзюсы откинулся на спинку стула и спокойно ответил:

— Первый Лауреат действительно не так уж велик, но я слышал, что вам, господин Цзян, уже за двадцать, а вы до сих пор не сдали даже экзамен на степень Сюцяя? Это, выходит, ещё хуже, чем «не так уж велик».

Тао Цзюсы подумал: «Я ведь прожил эту жизнь уже раз, и знаю, где у тебя болит».

Цзян Цзыхэн, отец Цзян Вэньюаня, был человеком выдающихся способностей, но больше всего его раздражало, что его сын не преуспел ни в науках, ни в военном деле.

Услышав это, Цзян Вэньюань покраснел, но всё же нагло заявил:

— У меня есть отец-государственник, зачем мне экзамены?

Тао Цзюсы ответил:

— О? Я обязательно передам эти слова главе секретариата.

Цзян Вэньюань испугался. Его отец ненавидел, когда он, пользуясь своим положением, ведёт себя безответственно, и если Тао Цзюсы действительно передаст эти слова, ему не избежать сурового наказания.

Он уже было хотел сказать слова примирения, но заметил в толпе разгневанный взгляд третьего принца и поспешно сменил тему, возвысив голос:

— Сюаньчжан Тао, вы впервые на Банкете Персиков и Слив, наверное, не знаете местных правил.

Его слова прозвучали так громко и уверенно, что многие повернулись к их столу, а некоторые даже отложили кисти, ожидая зрелища.

Тао Цзюсы ещё не успел ответить, как Ся Кайянь вмешался:

— Какие ещё правила? Господин Цзян, хватит врать!

Цзян Вэньюань улыбнулся:

— Кайянь, ты тоже здесь впервые, не стоит прикидываться знающим.

Тао Цзюсы остановил Ся Кайяня и спокойно посмотрел на Цзян Вэньюаня:

— Какие правила, господин Цзян, расскажите.

Цзян Вэньюань указал головой на огромный кувшин на столе и с напором заявил:

— На нашем Банкете Персиков и Слив новички обязаны выпить сто чаш вина.

Это была явная чушь. Банкет проводился уже много лет, и никто никогда не слышал о подобном правиле.

На самом деле, многие из присутствующих бывали здесь ежегодно и могли легко разоблачить ложь, но, кроме Ся Кайяня и его компании, никто не вступился, все лишь смотрели с насмешкой.

В прошлой жизни Тао Цзюсы столкнулся с той же проблемой.

Он вырос в храме, где старый монах, хоть и был человеком свободных взглядов, строго соблюдал устав, и вино считалось величайшим запретом, так что до приезда в дом Су Тао Цзюсы даже не знал, что это такое.

Поэтому его выносливость к алкоголю была крайне низкой, и выпить сто чаш вина было бы для

него равносильно публичной казни.

Но на прошлом Банкете Персиков и Слив Тао Цзюсы пришёл с Су Цинмэн. Как только Цзян Вэньюань закончил говорить, он даже не успел отреагировать, как Су Цинмэн шагнула вперёд, подняла кувшин и заявила:

— Хорошо! Сто чаш? Я выпью за брата!

Су Цинмэн была героиней среди женщин и могла пить сколько угодно, но Цзян Вэньюань не знал этого. Увидев, что слабая девушка приняла вызов, он тут же приказал наполнить сто чаш вином, которые выстроились перед Су Цинмэн плотным строем.

Су Цинмэн закатала рукава и начала пить, опустошая чашу за чашей, пока последняя не опустела. Она не покраснела и не запыхалась, лишь произнесла:

— Сто чаш — это слишком мало. Вы что, насмехаетесь над кем-то?

Зрители были поражены, и Цзян Вэньюань лишь через некоторое время смог пробормотать:

— Госпожа Су, вы действительно умеете пить.

Тогда его сестра, упёршись руки в бока, рассмеялась:

— Я ещё никого не боялась в этом деле!

После Банкета слухи о Су Цинмэн как о «женщине-демоне» разлетелись быстро, и мать, услышав об этом, чуть не прибила её.

Вспомнив это, Тао Цзюсы невольно улыбнулся.

Цзян Вэньюань, увидев его необъяснимую улыбку, с пренебрежением сказал:

— Сюаньчжан Тао, вы ещё смеётесь? Видимо, сто чаш для вас — пустяк.

Тао Цзюсы уже собирался ответить, как Вэй Фусюэ медленно поднялся.

Вэй Фусюэ был высоким, и, встав, он сделал Цзян Вэньюаня ещё более круглым и низким. Ся Кайянь не смог сдержать смеха, прикрыв рот рукой.

Вэй Фусюэ взял кувшин, повертел его в руках и спокойно произнёс:

— Впервые слышу о таком правиле на Банкете Персиков и Слив.

Цзян Вэньюань выпрямил шею:

— Первое Высочество никогда раньше не посещал его, поэтому не знает.

Вэй Фусюэ проигнорировал его и продолжил:

— Я слышал, что Банкет Персиков и Слив — это место, где литераторы встречаются ради искусства и дружбы. Когда же он превратился в пьяную сходку? Неужели все присутствующие здесь — не литераторы, а простые бродяги с рынков?

Тао Цзюсы поддержал его:

— Первое Высочество, говорят, что этот Банкет организовал третий принц. Он всегда был образцом вежливости и такта. Как он мог придумать такую вульгарную затею?

Вэй Фусюэ хмыкнул, высоко поднял кувшин и с силой швырнул его на пол, гневно произнеся:

— Учитель прав. Мой младший брат не мог быть так груб. Думаю, это господин Цзян сам придумал, чтобы намеренно усложнить нам жизнь.

Цзян Вэньюань замер на месте, даже не заметив, что его одежда забрызгана вином.

Тао Цзюсы кивнул в согласии:

— Вино должно быть выпито по настроению, в этом суть «песни при вине». Это элементарное правило, которого Третье Высочество не может не знать. Это, вне сомнений, прихоть господина Цзяна.

Вэй Хуайли, который наблюдал за происходящим из тени, увидев, как Тао Цзюсы и Вэй Фусюэ вдвоём разгромили Цзян Вэньюаня, почувствовал досаду и понял, что выбрал дурака для провокации.

Более того, хотя Тао Цзюсы и Вэй Фусюэ говорили, что это не касается третьего принца, Вэй Хуайли понимал, что это был урок для него. Он осознал, что не может оставаться в стороне, и вышел из толпы, чтобы сгладить углы.

На глазах у всех Вэй Хуайли не мог позволить себе нарушить этикет, поэтому почтительно поклонился Вэй Фусюэ и поприветствовал его:

— Здравствуй, старший брат.

Затем он повернулся к Цзян Вэньюаню и отчитал его:

— Господин Цзян, на нашем Банкете никогда не было подобных правил. Если вы хотите выпить с Сюаньчжаном Тао, лучше назначьте встречу в другой день.

Когда истинный вдохновитель выступил, Цзян Вэньюань мог только проглотить обиду:

— Это я вдруг захотел выпить и давно восхищаюсь Сюаньчжаном Тао, потому и позволил себе такую выходку. Прошу прощения, господин Тао, Первое Высочество.

Тао Цзюсы в прошлой жизни был вежливым и строгим человеком, но такое поведение, хоть и называлось «сдержанностью», на самом деле было чрезмерной прямолинейностью.

Вернувшись в прошлое, Тао Цзюсы стал более гибким, хотя и сохранил свою внутреннюю принципиальность. Видя, что Цзян Вэньюань сдался, он сказал:

— Ладно, господин Цзян. Раз уж вы хотите выпить со мной из добрых побуждений, то что ж.

Вэй Хуайли, увидев, что Тао Цзюсы не хочет продолжать конфликт, тут же прогнал Цзян Вэньюаня, а сам сел рядом с Тао Цзюсы, взял чашку чая и заговорил с ним с улыбкой, стараясь загладить вину.

В разгар беседы раздался тонкий голос:

— Второе Высочество, князь Цзяжуй прибыли!

Вэй Хуайли поставил чашку, украдкой закатил глаза, затем снова надел свою изысканную маску вежливости и вышел встречать гостей.

<http://bllate.org/book/16421/1488082>